

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани

Средневековые тюрко-татарские государства

Выпуск 4

Казань – 2012

ББК 63.3
С 75

Редакционная коллегия:

*Р.С. Хакимов, И.К. Загидуллин (отв. ред. и сост.),
Д.Н. Маслюженко, И.В. Зайцев, С.Г. Бочаров, Б.Р. Рахимзянов, А.Г. Ситдиков*

Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – 232 с.

В сборнике статей представлены материалы Международной научной конференции «Социально-политический строй средневековых тюрко-татарских государств» (16–17 марта 2012 г., г. Казань) и круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений» (16 марта 2012 г., г. Казань), прошедшего в рамках данной конференции.

ISBN 978-5-94981-167-2

© Институт истории АН РТ, 2012
© Авторы публикаций, 2012

Астраханское ханство во внешней политике русского государства XV–XVI вв.

Говорить о месте Астраханского ханства во внешнеполитической системе Русского государства XV–XVI столетий затруднительно. По всей видимости, после разгрома Большой Орды Хаджи тархан играл серьезную роль в геополитических «играх» Москвы, но к середине XVI века ситуация изменилась. Если говорить об дипломатических акциях, приведших к присоединению Нижнего Поволжья к Русскому государству, то можно выделить следующее.

Стоит заметить, что завоевание Хаджитархана русскими было осуществлено в рамках русско-ногайских договоренностей. Включение Нижнего Поволжья в состав Русского государства прошло три этапа. Первый этап характеризовался желанием решить хаджитарханский вопрос только ногайскими силами. От претендента на престол Дервиш-Али ожидалось соблюдение шертной записи, по которой он обязывался быть союзником России. Вскоре стало ясно, что ногаи без русской поддержки взять город не могут. Наличие же неподконтрольного хана в Астрахани, который контролировал волжские переправы, стало представлять угрозу русским интересам в Поволжье. Тогда правительство Ивана Грозного поддержало кандидатуру Дервиш-Али военной силой и возвело на престол правления в 1554 г. – это является вторым этапом русской астраханской политики. В это время в России решили сохранить в Хаджитархане институт ханства, при контроле русского и ногайского (Халк-Аман) представителей. Третий этап связан со стремительным изменением политической обстановки в Нижнем Поволжье, проявлением которого стал очевидный дрейф Дервиш-Али-хана в сторону сближения с крымским ханом и поддержки ногайских мирз-казаков, противников правления Исмаила. Исмаил-бий и его сторонники последовательно призывали Россию вмешаться в эти события и сместить Дервиш-Али, и даже упразднить институт ханской власти. В результате в 1556 г. Астрахань была занята русскими войсками, и Нижнее Поволжье вошло в состав Русского государства.

Список источников и литературы

Английские, 2007 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 2-е изд. Рязань: Александрия, 2007.

История монгалов, 1997 – История монгалов / Дж дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнуга. М.: Мысль, 1997.

Моисеев, 2009 – Моисеев М.В. Русско-ногайская торговля в XVI столетии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. / сост. А.И.Раздорский. Курск, 2009. С.34–38.

Моисеев, 2011 – Моисеев М.В. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Сер. «История и политология». М., 2011. № 4. С.17–31.

Посольские, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. [Публикация текста] / Сост. Б.А.Кельдасов, Н.М.Рогожин, Е.Е.Лыкова, М.П.Лукичев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995.

Посольские, 2006 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. [Публикация текста] / Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов / Ответ. научн. ред. проф. М.А.Усманов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.

Трепавлов, 2000 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2000.

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина

Москва и Искер в 1569–1582 гг. в контексте международной политики

Поход казаков во главе с Ермаком в начале 1580-х гг. стал началом конца длительного периода власти в Сибири династии Шибанидов (потомков четвертого сына Джучи Шибана, внука Чингис-хана) в лице хана Кучума и его сыновей и одновременно отправной точкой для вхождения территории Западной Сибири в состав Московского государства. Для первого этапа этого процесса явно реконструируется его завоевательный характер, по крайней мере, по отношению к татарскому населению. Хотя непосредственные причины похода уже неоднократно анализировались, в массовом сознании и учебной литературе без достаточной аргументации закрепилось мнение об агрессивной политике искерского хана, по сути, спровоцировавшего своими действиями дальнейшее

русское завоевание. В кратком виде его отразил в своей работе еще С.А.Токарев: «Новый сибирский хан Кучум был настроен враждебно в отношении московского государства. Он нападал на остяков, плативших дань в Москву, производил постоянные набеги на восточные границы Московского государства, на землю Пермскую; особенно страдали от набегов Кучума русские жители, живущие по рекам Каме и Чусовой, во владениях Строгановых... В 70-х годах XVI века Кучум не раз устраивал опустошительные набеги на Пермские земли и строгановские владения» [Токарев, 1939, с.95–96]. Об обострении отношений между Москвой и Сибирским ханством в последней четверти XVI века пишут и авторы обобщающей монографии «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» [История Урала, 1989, с.153]. Данная историографическая традиция (по мнению одного из авторов, Д.Н.Маслюженко, сконструированный историографический миф) занял свое место в учебной литературе, и отражает не во всем верную картину межгосударственных отношений XVI века. Авторы данной работы хотели бы заострить внимание на некоторых основных моментах политического курса Кучума в то десятилетие, которое непосредственно предшествовало походу Ермака, и особенно на тех позициях, которые не вписываются в традиционную точку зрения [в целом внешняя политика Кучума нами была проанализирована в: Маслюженко, Рябина, 2009, с.97–111; Рябина, 2011, с.90–95].

Как известно, еще в 1569–1571 гг. международная политика Москвы и Искера по отношению друг к другу характеризовалась как миролюбивая, в частности, хан Кучум был готов выплачивать в Москву дань [СГГД, 1819, с.52, 63–65], по сути, подтверждая тем самым договор Москвы с сибирским беком Едигером из династии Тайбугидов, который получил ярлык от Ивана IV. В.В.Трепавлов отметил, что при смене монарха требовалось обновление (подтверждение) ярлыков, выданных его предшественником. В данном случае имелось в виду, что до 1552 года подобную функцию по отношению к Сибири мог выполнять казанский хан. Не менее важно то, что «указанный порядок издавна действовал при уходе от власти не только дарователя ярлыка, но и получателя». Этим и объяснялась ситуация на начальном этапе отношений Ивана IV и Кучума, в рамках которых последний действительно мог восприниматься как государев «посаженный», а в случае разрыва отношений – «изменник» [Трепавлов, 2011а, с.222]. Хотя обращает на себя внимание то, что до прихода Кучума и его родственников к власти в Искере около 1563 года, переписка с Москвой ими велась достаточно активно, а затем произошел шестилетний перерыв. Это позволяет нам предположить, что дело могло быть не только в подтверждении ярлыка, а в гораздо более сложных проблемах международной политики и связанной с этим торговли.

Резонно предположить, что обещания Кучума могли быть связаны с процессом становления и расширения границ ханства, в ходе которого хан стремился ликвидировать любую возможность вмешательства западного соседа. Очевидно, что на тот момент мир был и в интересах Ивана IV, чьи военные силы также были связаны на южных и западных границах, и для которого восточный вопрос не был приоритетным.

Однако возникает вопрос о соотношении статуса дарователя и получателя ярлыка, или связанной с ним происхождением шертной грамоты [Почекаев, 2009, с.206–207]. Для ногайских и искерских биев, а также башкирских мурз нечингизидского происхождения такая практика как рудимент золотоордынского времени действительно могла существовать, а московский властитель, особенно после захвата Казанского и Астраханского ханства, рассматриваться как верховный правитель. Однако в отношении Чингизидов, долгое время бывших гегемонами степей в силу самого происхождения, реальные юридические возможности ярлыка или шерти были ограничены и вызывают большие сомнения, если, конечно, речь не идет о тех представителях династии, которые расселились на территории Московского государства, например в Касимовском ханстве.

Анализ конкретного формуляра писем 1569 и 1571 гг. позволил А.Г.Нестерову предположить, что начальный и конечный протокол писем Кучума находился в прямом противоречии с трактовкой их содержания русскими дипломатами как отражающих признание зависимости Сибири. Напротив, сибирский хан считал себя высшим правителем по отношению к московскому царю, напоминая о своем Джучидском происхождении [Нестеров, 2004, с.280–281].

Несмотря на споры в трактовках конкретных фраз, следует признать, что сибирско-московская переписка этого времени шла явно в русле ранее полученного Тайбугидами ярлыка от Ивана IV, хотя и обращает на себя внимание имеющийся хронологический перерыв между интронизацией Кучума в Искере и первыми письмами. Как кажется, объяснение здесь надо искать не только в особенностях внешнеполитического положения ханства, но и в его внутренней политике.

В связи с этим рискнем высказать одно предположение, которое, как нам кажется, до этого в литературе еще не рассматривалось. Шибаниды контролировали зауральские степи, сибирскую лесостепь, а через нее и таежную зону, приблизительно с начала 1240-х гг. (для нашей темы более точное установление этой даты не играет роли), когда основатель династии Шибан, сын Джучи, получил свой улус от Бату как наместника Монгольской империи на территории будущей Золотой Орды.

Нам неизвестна информация в источниках о том, чтобы власть Шибанидов здесь фактически или юридически подвергалась сомнению. Однако границы этого улуса, особенно интересующие нас северные или восточные, установить достаточно сложно, при этом они могли варьироваться в зависимости от ситуации в самой Золотой Орде и иногда доходить до среднего Прииртышья и Оби. Однако в большинстве случаев Шибаниды все-таки были привязаны к Северному и Западному Казахстану, степям Южного Урала и отчасти лесостепи Южного Зауралья и юга Западной Сибири.

Особенно яркими на этом фоне выступают два случая возможного присутствия здесь представителей иных династий: расширение к северу границ земель Кончи, внука Орды-Ичена, и попытка закрепления здесь Тохтамыша, потомка Тука-Тимура, после его поражения от Тимура. Расширение земель Кончи на север в конце XIII века, о котором пишет Марко Поло, было кратковременным, его причины до сих пор не установлены и прервались усобицей среди потомков после его смерти. Попытки Тохтамыша закрепиться на землях союзников из потомков Шибана (возможно, с целью накопления сил для продолжения борьбы) и даже уйти дальше на северо-восток, как это следует из устных источников, на наш взгляд, привели к конфликту, которое могло стать причиной молчаливой санкции на убийство этого хана в 1406 году под Чинги-Турой.

Несмотря на стремление к сохранению контроля над этими землями, что, скорее всего, связано с заинтересованностью в пушной торговле, приносившей колоссальные прибыли, особенно с учетом того, что пушнина извлекалась как ясак, у нас нет точной информации о проникновении Шибанидов на берега Иртыша. М.Г. Сафаргалиев также отмечал, что только позднейшие предания говорят «о пребывании Шайбана в Сибири, на Иртыше, где позднее его потомки образовали Сибирское ханство» [Сафаргалиев, 1996, с.312].

Даже в период правления двух наиболее известных ханов из этой династии – Абу-л-Хайра и Ибрахима – их политика, прежде всего, была ориентирована на юг и запад – к городам Средней Азии, в степи Поволжья и Казани. Так, в правление хана Ибака русские войска прошли во время похода 1483 года по Тавде, что трактовалось как мимо Тюмени, то есть за пределами границ Тюменского юрта. В тех же летописях сибирский князь рассматривается как часть угорского политического мира [Маслюженко, Рябинина, 2011, с.48–49]. Таким образом, Искерский юрт не мог рассматриваться самими Шибанидами в качестве родового. Лишь около 1495 года представители династии беков Тайбугидов из племени буркут покидают Чинги-Туру и распространяют свою власть на Искер. Было ли это согласованно с тогдашним тюменским ханом Мамуком, который активно вмешивался в казанские дела, или являлось следствием известного внутреннего конфликта после убийства хана Ибака? При скудности источников по этому вопросу вряд ли на него можно дать однозначный ответ. Следует обратить внимание на то, что в источниках отсутствует мотив мести родственникам хана Ибака за его смерть, хотя, казалось бы, убийство Чингизида было достаточно рискованным делом в условиях доминирующей в степях идеологии.

Таким образом, Искерский юрт оказался активно вовлечен во внутреннюю сибирскую политику лишь в самом конце XV века, и действительно мог рассматриваться как отдельный «стол». Правители этого юрта, как беки, должны были получать ярлыки, и в течение определенного времени в качестве их «сеньоров» могли рассматриваться оставшиеся в Тюмени ханы. Однако внутренние конфликты (уход к ногаям хана Агалака с частью родственников, миграция сибирских племен в ходе походов на Среднюю Азию 1510–1520-х гг., безуспешные попытки старшего сына Ибрахима хана Кутлука во внешней политике) крайне ослабили местных династов. К концу первой четверти XVI века иностранные источники упоминают о том, что многочисленные шибанские татары, еще оставались на севере, но старая столица Чинги-Тура, видимо, ими оказалась утеряна, перешла (по данным С.Герберштейна) под власть угорских князей и утратила свое былое значение. В пользу этого свидетельствует сообщение, пришедшее в Москву в 1536 г., о том, что ногайский мирза Шейх-Мамай «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу Туру воевать» [Посольские, 1995, с.155]. Большая часть северных земель улуса Шибана оказалась под контролем ногаев Шейх-Мамай, с которым вместе кочевали и оставшиеся Шибаниды.

В этих условиях, начав завоевание Искера, Кучум и его родственники оказывались в двойственной ситуации. С одной стороны, земли на юге Западной Сибири однозначно были частью улуса Шибана, а сам Кучум, как Чингизид, был абсолютно легитимным правителем этой территории. С другой стороны, видимо, Искерский юрт никогда не входил в родовые владения этой династии, к тому же по летописи Кучум был приглашен «лучшими людьми» править в связи со смертью Едигера. Все это и поставило его в сложное положение, когда он вынужден был принять те правила политической игры, которые были ему навязаны московско-искерским договором 1555 года и связанным с ним ярлыком. Несомненно, что в случае реального захвата престола можно было по образцу самого Ивана IV после захвата Казани сослаться на это, однако сыграл свою роль как фактор приглашения, так и нежелание прямого конфликта с местной аристократией, которая при Едигере коллективно решала вопрос об обращении к Москве.

При этом крайне сомнительно, чтобы «замирье» с Москвой было связано с сопротивлением таких групп как представители «Тайбугина юрта», проживавшие в центре ханского домена [Трепавлов, 2002, с.52, 63–65], которые сами пригласили нового правителя, так и проживавших на южных территориях ногаев или тюменских татар, которые были основной поддержкой ханской власти. По всей видимости, могли быть значимыми еще два фактора: участие сибирских войск в столкновениях с казахами, о чем говорил сам Кучум [Акты исторические, 1841, с.340], и возможное продвижение его отрядов на северные территории с целью подчинения основных центров добычи пушнины. По всей видимости, военные действия против казахов могли происходить в период 1569 – начала 1570 гг., когда Хакк-Назар разгромил союзников Кучума Шихмамаевичей [Исин, 2002, с.96]. В тоже время степень проникновения Хакк-Назара на территорию Сибири и власти над башкирами, ногайцами и сибирскими татарами, устанавливаемая по данным рассказа К.Мулакаева П.И.Рычковым [Рычков, 1896, с.69; Исин, 2002, с.100; Абусейтова, 1985, с.52], вызывает резонные сомнения [Трепавлов, 2002, с.367; Трепавлов, 2011а, с.110–113]. При этом в грамоте от сибирского царя 1570 года говорится, что «...мы того недругу своего взяли» [СГГД, 1819, с.52]. В историографии сложилось мнение о том, что этим недругом был именно Хакк-Назар [Абусейтова, 1985, с.167–168; Исин, 2002, с.101], что в целом вписывается в реконструируемую степную политику, хотя А.К.Бустанов предполагает, что это мог быть кто-то из представителей Тайбугидов [Бустанов, 2011, с.39]. Согласно летописям, на этот момент таким мог быть только сын Бек-Булата Сейдяк, однако он находился в Бухаре и не мог участвовать в интересующих нас событиях. К тому же в летописи говорится, что «сибирские люди... дани государевым данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевича» [ПСРЛ, 1965, с.370]. На наш взгляд, в качестве основного врага здесь следует рассматривать именно Хакк-Назара, с которым затем военные действия были прекращены. Судя по всему, в источниках действительно нет информации о дальнейших враждебных действиях этого хана против ногаев вплоть до событий конца 1577 г. [Трепавлов, 2002, с.368]. Возможно, замирение было связано с тем, что ближайший союзник Хакк-Назара Шигай породнился с Кучумом и его братом Ахмед-Гиреем [Маслюженко, 2008, с.133].

Грамота 1571 года, посланная Кучуму с Третьяком Чубуковым, подразумевала подписание шерти, переговоры о которой велись с марта 1569 через сибирского гонца Аису. В.В.Трепавлов пишет, что шерть регулировала, прежде всего, межгосударственные отношения. Причем на период ее действия младший партнер переходил под покровительство российского монарха, но не становился его подданным. В качестве обязательства шерть подразумевала выплату ясака, оказание военной помощи и отказ от договоров с противниками Москвы [Трепавлов, 2007, с.137]. Не ясно воспринимали ли так же шерть и ясак сами младшие партнеры, ведь, по крайней мере, Кучум мог использовать это как временную «страховку». Шертная грамота на подписание Кучуму была передана в Москве на государевом дворе сибирскому послу Тамасе и гонцу Аисе в октябре 1571 года. Подписанная Кучумом жалованная грамота не сохранилась до наших дней, хотя в архиве Посольского приказа она, видимо, была еще в первой четверти XVII века [Опись архива, 1977, с.289]. В перспективе это позволяло действительно считать сибирского хана «государевым изменником».

По всей видимости, дата получения этой грамоты стала решающим фактором в том, что условия ярлыка не были соблюдены. В мае 1571 года Москва была сожжена крымскими войсками при поддержке ногаев, и осенью еще лежала в руинах. Подобные наблюдения сибирского посольства с очевидностью должны были быть переданы Кучуму и стали признаком резкого снижения статуса Москвы в международных делах. Отказ от выполнения подписанной грамоты в этих условиях стал причиной ухудшения московско-сибирских отношений.

С этого времени наблюдается стабильная переориентация Искера на Бухару и в целом именно на южные степные связи. В 1572 году в Сибирь прибыла первая мусульманская миссия, собранная в Хиве по просьбе Бухары, которая показывает усиление позиций бухарского хана Абдуллы II [Катанов, 1897, с.51–60]. Отметим, что вопрос сибирско-бухарских отношений на данный момент является одним из наиболее сложных в истории сибирской государственности. По этой причине не ясно насколько эта миссия могла повлиять на смену внешнеполитических приоритетов. Однако обратим внимание на то, что хронологическое совпадение указанных событий явно могло быть основой для эскалации конфликта. Нельзя забывать и того, что религиозный фактор был значимым, по крайней мере, для слоя политической элиты средневековых государств, и, следовательно, распространение ислама могло стать основой для конфликта с православным государством.

Возможно, в качестве отголосков ухудшающихся отношений можно рассматривать нападения черемисов на Каме на пермских торговых людей в 1572 году, хотя в литературе и встречается мнение о том, что эти события провоцировались крымским ханом [Шумилов, 2011, с.141–143]. Согласно грамоте от 6 августа 1572 года, присланной от царя Якову и Григорию Строганову, к марийцам присоединились остяки, башкиры и буинцы, хотя в контексте упоминается о необходимости также «воевать изменников» из числа вотяков и ногаев [ДАИ, 1846, с.175]. В заголовке грамоты большинство этих групп, кроме черемисов, названы сибирскими инородцами, однако на тот момент большинство из них проживало на территории Поволжья и Приуралья. По всей видимости, связь этих событий с Сибирью появилась в документах позднее, в том числе, возможно, в ходе переписки Строгановых с Москвой, причем даже в тексте Строгановской летописи подобной связи еще не прослеживается [Строгановская, 1996, с.57–58]. По крайней мере, уже в жалованной грамоте 30 мая 1574 года Строгановым уточняется «...а к нашим де изменником к черемисе, как нам была черемиса изменила, посылал Сибирской через Тахчеи...» [Миллер, 2005, с.333]. Это позднее упоминание об участии сибирского хана в событиях 1572 года, на наш взгляд, отражает не исторические реалии, а лишь политические и экономические претензии Строгановых, которые с их помощью могли получить земли на Тоболе и Тахчее [см., например: Небольсин, 1849, с.57–58]. Следует учитывать, что авторы Строгановской летописи, в отличие от иных источников, строительство крепостей еще в 1558 году, как и в более позднее время, мотивировали постоянной агрессией ногаев и сибиряков.

Кроме того, возможно, как ответная мера со стороны России на участие сибирских людей в восстании черемисов, был предпринят в 1572 г. поход воеводы князя Афанасия Лыченицына. Он был прислан в Сибирь с войсками «проведать царство Сибирское и воевать царя Кучума», и который мог послужить причиной открытого конфликта между Российским государством и Сибирским ханством, несмотря на плачевный результат похода: «...те ратные люди побиты от Кучума-царя в Сибири, а иные в полон взяты». Следует признать, что исследователями уже давно высказывались сомнения в подлинности этого сообщения [Преображенский, 1972, с.23]. Таким образом, у нас нет однозначных данных о прямых военных столкновениях в 1572 году.

Более обоснованным выглядит точка зрения о том, что первые действия сибирских войск на территории владений Строгановых и в Перми могут быть связаны с событиями 1573 года. Согласно жалованной грамоте Ивана IV Строгановым и Строгановской летописи, эти действия начались с похода самого сибирского хана Кучума на места промыслов Строгановых, где были «побиты» остяки. Одновременно с этим Кучум принуждал перестать платить ясак в Москву иных данщиков из числа остяков, вогулов и югричей, дойдя до Чусовских городков: «А иных данщиков наших Сибирской имае, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати» [Миллер, 2005, с.333; Строгановская, 1996, с.58]. В данном случае эти события следует рассматривать в контексте стремления Кучума вернуть себе ясачное население и обеспечить активное участие в пушной торговле с Бухарой.

С этим же походом связывается перевод на территорию Сибирского ханства Тахчеи. В источниках этот термин встречается в двух значениях: как территория или юрт (например, «на Тахчях и Тоболе») и как группа людей, улус (например, «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а преж сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи»). Подчеркивается, что они жили в окружении остяков, которые хотели платить дань в Москву и просили защиты, но при этом, видимо, отличались от них в этническом плане. Интерпретация этого названия вызвала длительную дискуссию в историографии [см.подробнее Скрынников, 1982, с.115–116]. Из жалованной грамоты 1574 года ясно, что территория Тахчеи и Тобола располагалась между Ногайской Ордой и Сибирским ханством [Миллер, 2005, с.332–333]. Наиболее убедитель-

ным видится точка зрения Е.Н.Шумилова, который считает, что Тахчеи – это территория в верховьях Чусовой, заселенная племенем терсяк, которые на протяжении XVI века покидают свои территории и уходят на юг в земли салюттов [Шумилов, 2011, с.141–143]. В.В.Трепавлов считает, что два сына Муртазы в разное время были наместниками Башкирии, которая находилась под управлением Шейх-Мамаю [Трепавлов, 2002, с.208–210]. В связи с этим они должны были поддерживать связи с рядом племен севера лесостепной зоны. Это могло стать как причиной увода Тахчеи, так и более позднего переселения аялынцева в Прииртышье в 1570-е гг. [Татауров, 2011, с.52], которые поддерживали Кучума и его потомков.

Вслед за этим в конце июля 1573 года состоялся поход Маметкула Алтыуловича, племянника¹ и, возможно, беклярибека Кучум-хана [о последнем см.: Трепавлов, 2011б, с.151], на Пермь: «пришедшу ратью на Пермь Великую, Маметкул ...города и повости пограбил и пожег» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.266]. Впрочем, иные источники не могут полностью подтвердить это сообщение. В частности, в уже упомянутой жалованной грамоте и Строгановской летописи речь идет: «с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде иди ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели» [Миллер, 2005, с.332]. В летописи уточняется, что путь узнавали также на Строгановские городки (хотя, с учетом предыдущего сообщения о походе Кучума, это маловероятно, и ставит под вопрос реальность первого события, которое больше нигде не упоминается). Отход от пермской земли объясняется тем, что Маметкул убоился значительного числа ратных людей, которые стояли в Чусовских городках [Строгановская, 1996, с.58]. В целом русское население Великой Перми от этого похода не пострадало [Шашков, 1997, с.5]. Однако в ходе этого похода был убит московский посол Третьяк Чубуков и сопровождавшие его служилые татары, которые шли к казахам [Миллер, 2005, с.332]. Отметим, что неясность целей посольства Третьяка Чубукова также стала основой для создания еще одной распространенной версии: якобы он вез грамоту о заключении союза с Хакк-Назаром, в том числе против Кучума [Файзрахманов, 2002, с.145; Зуев, Кадырбаев, 2000, с.40]. В реальности о точном содержании этой грамоты, как и целях посольства у казахов в источниках речь не идет. Напротив, Москва в дальнейшем отмечала, что постоянных контактов с этим ханом нет, а обмен посольствами имел случайный и единичный характер [Трепавлов, 2002, с.370].

Таким образом, столкновения 1573 года в основном шли вокруг двух основных политических пунктов: контроль над ясачным населением, следовательно, над самым важным сибирским товаром – пушшиной, и над основным на тот момент путем из Приуралья в Сибирь через верховья реки Чусовая. Причем, на наш взгляд, на первом месте стояло продолжение политики по обложению ясаком сибирского населения, которая являлась неотъемлемой частью государственной идеологии и экономической политики Сибирского ханства. Краеугольным камнем здесь была пушнина [Мартынова, 2002, с.294–295]. Вопрос о том, чьи данщики жили в Зауралье, решенный Москвой с помощью Строгановых в свою пользу, отнюдь не был столь очевиден для Искера.

В ответ на это Иван IV выдал в мае 1574 года грамоту Строгановым, которая расширяла данные им два года назад полномочия на набор военных людей. Текст документа говорил о том, что земли на Тахчее и Тоболе передаются под их управление, им разрешалось там строить крепости для защиты русских данщиков от ногаев и сибиряков, а также насильно приводить последних к дани русскому царю. Грамота подчеркивала: «в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и озерами, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью». Предлагалось также освободить всех насельников этих земель на 20 лет от податей, а также разрешить бухарцам и казахам торговать беспошлинно [Миллер, 2005, с.332–334]. По сути, передавая эти земли, царь юридически подчеркивал то, что ими от его руки владели сибирские князья Тайбугиды, а Кучум рассматривался как незаконный с точки зрения русских правитель. К тому же, с точки зрения русского царя, эти земли вполне подходили под понятие пустых: «на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не стаивали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому...» [ДАИ, 1846, с.168]. Статус пустых земель мог быть связан также с уводом населения Тахчеи и использованием земель на Тоболе только в качестве летних кочевий.

¹ Ранее нами была высказана версия о возможной принадлежности Маметкула к ногайской знати, в том числе к Шихмамаевичам. Однако следует согласиться с критикой этой точки зрения А.В.Беляковым и признать родство Мухаммед-Кула с Кучумом, которому первый, скорее всего, приходился племянником [Беляков, 2011, с.67].

После этого всплеска столкновений с 1574 году началось длительное затишье, которое может быть связано как со сменой искерского правителя, которым на 4 года стал старший брат Кучума Ахмед-Гирей, или, по крайней мере, с их соправлением, так и с невозможностью продолжения дальнейших действий обеими сторонами по различным причинам. Политика этого времени, по всей видимости, в значительной степени ориентировалась на юг, на Бухарское ханство, так как в источниках не встречено данных о военных конфликтах или нападениях со стороны Сибирского ханства. В этом отношении она продолжала традиции внешнеполитической линии периода Тюменского юрта. С приходом Ахмед-Гирея начинается приток в Сибирь бухарцев, причем Х.З.Зияев отмечал, что разрешение Строгановым беспошлинно торговать с бухарцами связано именно с расширением связей Сибири со Средней Азией [Зияев, 1983, с.19–20]. На наш взгляд, здесь явно наблюдается одно из противоречий в международной пушной торговле.

Некоторая активизация деятельности Кучума наблюдается в 1577 году, возможно, после гибели старшего брата от рук казахов. В июле 1577 года в Москву приходит отчет от детей боярских о поездке к ногаям, который видимо, отражает ситуацию весны этого года. В отчете Тимофея Лачинова говорится, что к Ак-мирзе, который являлся лидером Шихмаевичей и играл значительную роль в ногайской политике, приезжал посол Таилак за лошадьми и овцами, которые по договору Кучум должен был получить за свою дочь, выданную замуж за Ак-мирзу. При этом Таилак встречался с Лачиновым и говорил, что «государь его Кучюм хочет вперед государю Царю и Великому Князю в дружбе бытии, и вперед от Государя не отстаточну быть, и хочет... в том и правду дати по своей вере». Другим послом Семеном Мальцовым было сообщено, что тогда же старший сын Кучума Алей женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмата. Летом того же года сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучюмом» и далее просит «и хто его будет посол, и тыбе его пожаловал почтил...» [ПДРВ, 1801, с.189, 193, 222]. Параллельно с этим русский посол в Крыму Е.Ржевский сообщает осенью 1577 года о том, что послы из Сибири просили у крымского хана военной помощи в виде пушек, мотивируя это необходимостью защиты от действий московского царя [Назаров, 1969, с.109]. Однако поддержки они не получили.

В марте 1578 г. ногайскому бию Дин-Ахмату из Москвы сообщали: «И у нас летом посол Кучюма царя сибирского был. А присылал Кучюм царь к нам бити челом о том, которая наша дань была на сибирской земле издавна от наших прародителей, и он давать хочет, а нам бы гнев свой отложить и держать к нему свое жалованье». Было принято решение отправить в Сибирь с жалованной грамотой дорогу Добычу Лачинова «и дань свою имать постарине» [ПДРВ, 1801, с.281].

Еще раз обратим внимание на то, что новые попытки переговоров с Москвой начались только после смерти Ахмед-Гирея, которая условно относится к 1577–1578 гг. Складывается впечатление, что сама попытка смены в Искере Кучума на Ахмед-Гирея была связана именно с московской ориентацией первого и стремлением Бухары изменить это. Возможно, эти политические игры были отголоском возникающих экономических противоречий. Известно, что государства Средней Азии в большом количестве покупали у русских купцов меха пушных зверей, мед и воск. Причем значительная их часть шла из Перми через Строгановых, в том числе это были и меха из Сибири и Югории, отчасти полученные в виде ясака, а отчасти купленные вымичами [подробнее см.: Фехнер, 1956, с.58–62]. В этой ситуации резонно предположить, что Бухара была крайне заинтересована в прямом получении этих товаров от Искера, что и могло провоцировать некоторые связанные с этим процессы. Опять же в порядке дискуссии отметим и то, что отказ в дальнейшем Абдаллаха II помогать Кучуму против русских мог объясняться и тем, что хан не оправдал экономические надежды бухарского сюзерена. К тому же русские власти стремились привлечь бухарцев к торговле в русских городах, и, видимо, в экономическом плане потери были не значительными. В этом отношении заслуживает внимания позиция А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова о том, что ожившие при Кучуме северные международные торговые пути послужили причиной падения Сибирского ханства [Матвеев, Татауров, 2011, с.96]. Поскольку выгодное географическое положение Искера сделало его территорией в начале экономических, а затем и военных столкновений Москвы и Бухары.

В тоже время не все в отношениях с ногаями было так хорошо. Незадолго до упомянутого выше ответа Дин-Ахмеду, в Москву приходит письмо от Хан-мирзы, сына Уруса, занимавшего в Ногайской Орде на тот момент второй по значимости после бия пост нурадина. В нем с намеком на верность России против Крыма мирза пишет: «Да бью челом, с Тюменским и с Сибирским ратным учинился есмь, чтоб еси рати пожаловал. А болши Сибирского недруга у нас нет. А у меня своих воинских людей двадцать тысяч, чтоб еси пожаловал десять тысяч людей рати дал, Сибирь воевати. А мне до отца своего до Уруса дела нет, и до дяди своего до князя дел нет же». Иван IV ответил не на

прямую Хан-Мирзе, статус которого во внешней политике был не высок, а самому Дин-Ахмеду. Причем ответ был достаточно жесткий, намекающий на того, что бию необходимо самому разбираться в своих делах: «И мы рати ему не дали и ему отказали, чтоб он вперед так с молодости без Урусова ведома не писал к нам в своих грамотах» [ПДРВ, 1801, с.268–269, 281]. Сам тон ответа и отказ в поддержке военного вмешательства в сибирские дела однозначно может свидетельствовать о нежелании русского правительства начинать в конце 1570-х гг. конфликт с Кучумом, особенно в условиях формирования в степях крупного союза во главе с бухарским ханом Абдаллахом II.

Несколько особняком здесь стоят действия 1581–1582 гг., которые наиболее удачно, на наш взгляд, реконструировал А.Т.Шашков, причем точная датировка этих событий во многом зависит от даты похода Ермака. По всей видимости, летом 1581 года во владениях Строгановых под Чусовскими городками и Сылвенским острожком началось восстание местных вогулов и остяков во главе с вогульским мурзой Бегбелией Ахтаковым [Шашков, 2001, с.27–28]. Традиционно это восстание принято объяснять спецификой политики Строгановых по отношению к ясачному населению. Сам мурза был взят в плен, многие его люди были убиты, а другие признали, что «бытии им под государскою высокою рукой...» [Строгановская, 1996, с.61]. Вскоре после этого в эти же земли подошли отряды Пелымского князя Аблай-Герима с вогуличами, причем последние стояли под Чусовскими острогом еще осенью 1581 года: «приходил Деи войною Пелымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, и крестьян в полон емлют; и ныне ... стоит около Чусовского острогу» [Миллер, 2005, с.335; Погодинский, 1991, с.66]. С учетом мнения А.Т.Шашкова о возможной перестановке руководителей походов и путаницы в датах в описании этого события в Вычегодско-Вымской летописи, можно предположить, что именно о нем говорится: «Лета 7089 пришедшу... с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил». В грамоте от 6 ноября 1581 года Никите Строганову предписывалось объединить силы с Семеном и Максимом Строгановыми и пермскими старостами, но при этом «воевать им не давали, чтоб вам всем от войны уберечись» [Миллер, 2005, с.335]. Следует понимать, что пелымские князья вели перманентную войну с русскими властями еще с середины XV века [Маслюженко, Рябинина, 2011, с.35–50]. Исходя из этого, в походе вполне самостоятельного пелымского князя отнюдь не обязательно видеть влияние сибирского хана Кучума, несмотря на то, что они и были союзниками [Нягань, 1995, с.48]. Хотя «Соликамская рукопись» и приписывает поход совместной деятельности пелымского князя, называя его Кихаком, и некоего сибирского мурзы [Шишонко, 1881, с.96]. По всей видимости, в отношении этого свода информации необходима значительная источниковедческая работа по поиску и выявлению изначального протографа.

Осенью 1581 – зимой 1582 года отдельные казачьи отряды, участвовавшие до этого в борьбе с ногаями, общей численностью до 540 человек зимовали на Сылве, откуда в течение зимы совершали набеги на вогулов [Шашков, 2001, с.30–31]. Столь большая численность отряда могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом и рядом угорских князей как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 года [Скрынников, 1982, с.133], то есть как раз в то время, когда Ермак увел казаков в Сибирь. Согласно грамоте, походом руководил пелымский князь, по Погодинскому летописцу – старший сын Кучума Алей, а по информации Вычегодско-Вымской летописи – сам сибирский царь. Столь же сильно отличается информация о результатах похода: в грамоте от 16 ноября 1582 года идет речь: «приходи войной на наши Пермские места, и к городу к Чердыни к острогу приступал»; в Погодинском летописце – «воевать Чусовую, и доходили до реки Камы и до города до Соли Камской», причем уточняется, что земли по Чусовой не дал «повоевать» Ермак. В наиболее подробном виде сообщение зафиксировано в Вычегодско-Вымской летописи: «Того же лета... пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [Миллер, 2005, с.335; Погодинский, 1991, с.66; Вычегодско-Вымская, 1958, с.267]. Строгановская летопись приписывает все эти действия именно пелымскому князю [Строгановская, 1996, с.62–63], однако перечень участников похода не позволяет согласиться с этой точкой зрения: «... з собою сылвенских и косвенских, яренских, инвенских и обдинских татар, остяков и вогулич, и вотяков, и башкирдцев...». Отметим, что все перечисленные группы татар проживали на территории Перми Великой или землях Строгановых по притокам р.Кама, и не имели отношения собственно к Сибирскому ханству. На территории Приуралья фиксируются также и все остальные группы населения. Данный список не позволяет в качестве руководителя выделять пелымского князя, но и не дает однозначного основания для поиска «руки» сибирского хана. Резонно предположить, что речь

могла идти об очередном внутреннем восстании, которое совпало с походом сибирских войск, скорее всего, под руководством Адея, деятельность которых территориально была ограничена.

Несмотря на, казалось бы, очевидный ответ об отсутствии прямых связей между искерским правителем и рядом военных столкновений в Прикамье, следует обратить внимание на два нюанса. Во-первых, до сих пор четко не установлена северо-западная граница Сибирского ханства. Во-вторых, по данным Д.М.Исхакова, среди указанных выше групп населения были представители племени буркут, кушчи, табын, аялы, часть которых своим происхождением связана именно с сибирскими территориями, а часть продолжала проживать на территории владений Кучума [Исхаков, с.127–130]. Общность происхождения этих групп татар и продолжающиеся разносторонние переселения могли объяснять и некоторую возможность совместных действий, хотя источники напрямую этого и не подтверждают.

Таким образом, можно констатировать, что объективных факторов для эскалации конфликта в 1582 г. не выявляется. Имеющиеся источники не подтверждают предполагаемого роста немотивированной агрессивности сибирского хана в рассматриваемый период как возможной причины дальнейшей московско-сибирской войны. На тот момент обе стороны не были заинтересованы в обоюдных военных действиях, а их развитие стало одним из проявлений случайности в историческом процессе. В наиболее явной форме это фиксируется в «опальной» грамоте Ивана IV к Строгановым в 1582 году: «и то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пелынцов от нашего жалования отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас» [Миллер, 2005, с.335]. Помимо этого в литературе существует точка зрения, что «все казачьи походы «по приобретению новых земель» совершались с согласия государства, но по воле казаков» [Резун, Шиловский, 2005, с.164]. Скорее всего, военные действия 1582 года были во многом спровоцированы, с одной стороны, инициативой Строгановых, которые опирались на царские пожалования к востоку от Урала, и с другой стороны, казаками во главе с Ермаком, которые определили собственно направление похода, почти полностью повторившего поход 1483 года, но ставшего фатальным для Сибирского ханства.

Список литературы

- Абусейтова, 1985 – Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Наука, 1985. – 104 с.
- Акты исторические, 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1334–1598 гг. СПб., 1841. – 596 с.
- Беляков, 2011 – Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 с.
- Бустанов, 2011 – Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов. Опыт источниковедческого исследования. Saarbrücken, 2011. – 60 с.
- Вычегодско-Вымская летопись, 1958 – Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С.241–270.
- ДАИ, 1846 – Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т.1. СПб., 1846. – 400 с.
- Зияев, 1983 – Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: ФАН, 1983. – 170 с.
- Зуев, 2000 – Зуев Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестник Евразии. 2000. № 3 (10). С.38–60.
- Исин, 2002 – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI вв. Семипалатинск: Тенгри, 2002. – 139 с.
- История Урала, 1989 – История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. А.А.Преображенского. М.: Наука, 1989. – 607 с.
- Исхаков, 1998 – Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. – 276 с.
- Катанов, 1897 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.8. Тобольск, 1897. С.51–61.
- Мартынова, 2002 – Мартынова Е.П. Татарско-угорские политические связи в XIV–XVII вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С.294–296.
- Маслюженко, 2008 – Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2008. – 168 с.
- Маслюженко, Рябинина, 2009 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.1. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2009. С.97–111.

- Маслюженко, Рябина, 2011 – Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Поход 1483 г.: летописные реалии и исторические реалии // Сибирский сборник. Вып.1. Казань: Яз, 2011. С.35–50.
- Матвеев, Татауров, 2011 – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С.95–101.
- Миллер, 2005 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.: Вост. лит, 2005. – 630 с.
- Назаров, 1969 – Назаров В.Д. Зауральская эпопея XVI века // Вопросы истории. 1969. № 12. С.103–116.
- Небольсин, 1849 – Небольсин П. Покорение Сибири. СПб., 1849. – 264 с.
- Нестеров, 2004 – Нестеров А.Г. Документы Сибирских Шибанидов XV–XVI вв. // Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Вып.4. Казань, 2004. С.280–281.
- Нягань, 1995 – Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. – 145 с.
- Опись архива, 1977 – Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч.1. М., 1977. – 416 с.
- Погодинский, 1991 – Погодинский летописец // Летописи Сибирские / сост. и общая редакция Е.И.Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. С.57–104.
- ПСРЛ, 1965 – Полное собрание русских летописей. Т.13. Патриаршая, или Никоновская, летопись. М.: Наука, 1965. – 308 с.
- Посольские, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
- Почекаев, 2009 – Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. – 260 с.
- Преображенский, 1972 – Преображенский А.А. Урал и западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М.: Наука, 1972. – 392 с.
- ПДРВ, 1807 – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.XI. СПб., 1801. – 317 с.
- Резун, Шиловский, 2005 – Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 194 с.
- Рычков, 1896 – Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. – 95 с.
- Рябина, 2011 – Рябина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2011. С.90–95.
- Сафаргалиев, 1996 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: ИНСАН, 1996. С.280–520.
- Скрынников, 1982 – Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 254 с.
- СГГД, 1819 – Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. М., 1819. – 643 с.
- Строгановская летопись, 1996 – Строгановская летопись // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Ч.1. / отв. редактор Н.А.Миненко. Екатеринбург: «Екатеринбург», 1996. – 236 с.
- Татауров, 2011 – Татауров С.Ф. Город Ялом (к вопросу о месте расположения) / С.Ф.Татауров // Сибирский сборник. Вып.1. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. С.51–62.
- Токарев, 1939 – Токарев С. Поход Ермака и завоевание Сибирского царства // Исторический журнал. 1939. № 1. С.94–102.
- Трепавлов, 2002 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издат. фирма «Восточная литературы», 2002. – 752 с.
- Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Востлит, 2007. – 255 с.
- Трепавлов, 2011а – Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. – 252 с.
- Трепавлов, 2011б – Трепавлов В.В. «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.3. Казань: Ихлас, Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.141–154.
- Файзрахманов, 2002 – Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Фэн, 2002. – 456 с.
- Фехнер, 1956 – Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды ГИМ. Вып.31. М.: Госкультпросветиздат, 1956. – 138 с.
- Шашков, 1997 – Шашков А.Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 07. С.35–50.
- Шашков, 2001 – Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.
- Шишонко, 1881 – Шишонко В. Пермская летопись. 1 период. Пермь, 1881.
- Шумилов, 2008 – Шумилов Е.Н. О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9. С.141–143.